

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Франсис КОНТ

Конфронтация, обмен и дарение в дипломатии Горбачева

Предлагая вниманию читателей статью французского профессора Ф. Конта, посвященную деятельности М. Горбачева на международной арене, мы сознаем, что этим наброском ни в коей мере нельзя ограничить политический портрет такой крупной фигуры, какой является Президент СССР и генеральный секретарь ЦК КПСС. Однако статья может оказаться полезной для понимания того, каков же в действительности имидж советского руководителя в глазах иностранцев и как он изменился в последнее время.

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного автором на русском языке на международной конференции «Культура — массовая психология — общественные движения», проходившей в Москве в апреле 1991 года.

Мне хотелось бы напомнить о двух школах советской дипломатии, о том, каким образом на фоне сталинской и неосталинистской дипломатии (продержавшейся до последних лет) вырисовывается дипломатия, воплощающая новое направление в советской внешней политике.

С этой точки зрения важно понять, каким образом была приведена в действие внешняя политика, связанная с видением быстро меняющегося мира, политика, которую Михаил Горбачев и его соратники разрабатывают трезво, с большим пониманием и с большой проницательностью. Я прибегну к тому, что назову условно антропологическим подходом, для того чтобы обнаружить некоторые истоки тех ментальных архаизмов, на которые так рассчитывал Сталин и от которых, на мой взгляд, Горбачев сознательно стремится избавиться. Сам он пользуется совсем новым подходом к международным отношениям, включающим понятие и практику дарения.

ВО ИМЯ СОХРАНЕНИЯ СИСТЕМЫ

Безусловно, главной целью советского руководства является стремление сделать так, чтобы СССР вступил в XXI в. великой державой. Если же начавшийся упадок будет продолжаться, страна превратится в слаборазвитую. Горбачев это знает и дает понять об этом. Просвещенный патриот, он прежде всего бесстрашен. Он готов прослыть еретиком для того, чтобы спасти систему. Он восстанавливает против себя чрезвычайно чувстви-

Конт Ф. (Conte F.) — профессор, заведующий кафедрой русской истории в Сорбонне.

тельную часть партийного и военного аппарата, а также, наверное, КГБ. Эти столпы режима хорошо понимают смысл реформы, но хотят, чтобы она была подчинена их ритму, управлялась ими, шла бы под их надзором. В этой борьбе, которую Горбачев ведет сразу на нескольких фронтах, он выбрал путь решительного изменения военной тактики в области связей «Восток-Запад».

Чем же можно объяснить «культ личности» Горбачева на Западе? Лидер нового стиля противопоставляет свое «да» прежнему «нет», открытость (гласность) — тому, что еще недавно было запретно, активность — пассивности, откровенность — замкнутости, спонтанность и даже улыбку — одеревенелости. Он заставляет Советский Союз повернуться от абсолютного царства идеологии к просвещенному реализму. Как говорит не без ретроспективной иронии Александр Яковлев: «Неужели только мы одни знаем абсолютную истину?»¹. После ледяного холода в отношениях между Востоком и Западом, замораживания связей, которое повторилось в 1983—1984 гг., последовала попытка эти отношения оживить. Может ли Запад верить в то, что ему однажды уже предлагали? Не исходит ли это предложение от той самой «империи зла», которая преследует Запад и США?

Очевидно, что если такой человек, широко применявший этот термин, как Рональд Рейган, подписал в конце концов известные соглашения о разоружении, то сделал он это вследствие полного поворота советской позиции, вследствие радикального изменения некоторых основополагающих ценностей. Соответствует ли то, что Михаил Горбачев называет «новым мышлением», т. е. новый смысл отношений между Востоком и Западом во внешней политике, той «перестройке», что происходит внутри страны? Действительно ли речь идет о «революции», как говорят в СССР? Чтобы добраться до сути, можно прибегнуть к тому окольному антропологическому подходу, о котором я уже упоминал. Новое советское поведение, столь отличное от устоявшихся канонов, лишь приглашает нас к этому. На первый взгляд, эта необычность кажется двойственной. Эта странность является прежде всего следствием того, что Горбачев должен был бы по логике вещей быть обычным порождением советской системы, сформировавшей его и определившей его карьеру.

Необычность заключается и в том, что Горбачев открыто отбрасывает некоторые элементы системы, желая возродить ее. От полного отказа от уступок, что являлось незыблемым правилом сталинской модели внешней политики, как я ее понимаю, Горбачев переходит к практике бескорыстного дарения. Классового врага он превращает в союзника и завоевывает общественное мнение поведением, совершенно непредсказуемым в обстоятельствах скованности отношений. Он говорит, что стремится к общечеловеческим ценностям, и создает новую оригинальную ситуацию, поражающую западное общество. Таким образом его «соблазн» начинает действовать, потому что он ясно различает три понятия международных отношений: конфронтация, обмен, бескорыстная отдача.

КОНФРОНТАЦИЯ, ОБМЕН, БЕСКОРЫСТНАЯ ОТДАЧА

Политике конфронтации Горбачев противопоставляет политику обмена, целью которой является **коммуникация**. Всем ясно, что обмен достигает успеха в том случае, если ставки с одной и с другой стороны находятся в равновесии, символизируя равенство партнеров. Тогда диалог активен, он даже может становиться «деловым». Но когда речь идет о дарении, о «бескорыстной отдаче», отношения развиваются более успешно,

¹ «Советские новости», 11 января 1989.

делаются более тонкими и в то же время — и в этом парадокс ситуации — более напряженными. Приведу пример каждого случая. В 1983 г. в Женеве советская делегация, хлопнув дверью, покинула конференцию по разоружению. Диалог, какой бы то ни было торг был прерван. Это было вполне в духе сталинской дипломатии, разделявшей мир на друзей и врагов, говорившей «я вам враг» и тем самым подстегивавшей враждебность к себе. Конечно, такое видение мира основано на принципе «кто — кого», и тот, кто это говорит, вынужден обязательно быть самым сильным, иначе он окончательно проигрывает.

Результат хорошо известен: в конечном счете он оборачивается слабостью наглой силы. Это видно на примере советско-германского Договора о дружбе и границах 1939 г., смысл которого в СССР недавно переоценен.

Как только Горбачев пришел к власти в 1985 г., он проявил явное желание возобновить диалог, сначала на базе обмена, обновляющегося на принципе «ты — мне, я — тебе». Но уже через три года, в декабре 1988 г., Горбачев произнес широко известную и совершенно новую по духу речь в Организации Объединенных Наций. И даже если он подготовил ее «маленькими шажками», все равно он опроверг мнение многих западных специалистов, обычно весьма сдержанных в оценке способности СССР открыться и согласовать свои слова и действия. Однако для советского руководства последствия его речи превзошли все ожидания. На Западе увидели конец «холодной войны», конец дипломатии активной конфронтации, которую я условно называю «психологией туннеля», или «психологией Ветхого Завета».

СТАЛИНИСТСКИЙ ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Общеизвестно, что Сталин для укрепления своей власти с полным сознанием последовательно уничтожал то поколение революционеров-«космополитов», которое вместе с Лениным создавало советский строй. Интеллектуалы-марксисты, хорошо знавшие Западную Европу по эмиграции, много работавшие, размышлявшие, были убраны им с исторической сцены между 1927 г., когда из партии исключили «левых уклонистов», и 1939 г.— временем окончания больших «открытых» процессов над членами партии. С тех пор Сталин, «самая выдающаяся посредственность партии», как назвал его Троцкий, этот провинциал с ограниченным кругозором, получил власть.

Уничтожая старые кадры, Сталин выдвигал на их место тех молодых, которые соответствовали его целям. Они, эти молодые, были обязаны партии всем: своей карьерой, пониманием задач, а также весьма ограниченным кругозором. Этот кругозор был типичен для русской деревни, или, скорее, захолустья, изолированного, живущего своей замкнутой жизнью, думающего о том, как просуществовать, но не забывающего о традициях. Унаследовав право на абсолютную истину (ленинское учение, переработанное его «верным последователем» Сталиным), эта молодежь должна была не обсуждать, а воплощать данную истину на деле. Открытой культуре, создающей определенные правила, они предпочитали культуру закрытую, следующую высказанным установкам. Концепция «социализма в одной отдельно взятой стране» пришла на смену идее «перманентной революции» Троцкого. Кроме того, когда Сталин постарался увеличить свою империю в конце второй мировой войны, он включил в нее окраины бывшей царской империи, и даже постарался создать «буферные» государства для защиты оплота социализма.

В этом ему помогла энергия молодых активных партийцев, вооруженных незыблемыми убеждениями и беспредельной преданностью. Для

нового поколения, которое выпестовал Сталин и которое было обязано ему своим головокружительным восхождением, жизнь заключалась лишь в рамках соотношения сил «кто — кого». Кто кого победит — окружение Сталина или его противники? Недоверие как к внутренним, так и внешним врагам было безоговорочным правилом. Оно нашло отражение в воинственных лозунгах того времени: «Будьте бдительны», «Оставайтесь на боевом посту», «Ничего не скрывайте от партии», в призыве брать пример с юных активистов, которые не боятся разоблачать собственных родителей, как Павлик Морозов. По этому поводу можно процитировать слова Александра Яковлева: «Социализм как мировое явление только сейчас начинает прощаться со своей молодостью. Нас сформировала трудная и жестокая школа. Сегодня, однако, мы обладаем достаточным опытом для того, чтобы понять ошибки, свойственные молодости... ее влечение к упрощенным решениям и идеям»².

Именно в этой школе формировались советские деятели, задачей которых было противостояние зарубежному миру — такие люди, как А. Громько и все его поколение, следовавшее заветам В. Молотова. Их поведение было обусловлено временем «беспощадной борьбы» между двумя противоположными системами — капитализмом и социализмом, между лагерями капиталистов и коммунистов. Для последних война представлялась неизбежной и справедливой, так как она навязывалась классовым врагом, по природе своей ненасытным, по сути агрессивным. Их кредо составляла фраза Маркса из «Манифеста», необходимая и вполне достаточная, чтобы восстановить себя против врагов: «Буржуазия в поисках все новых рынков сбыта наводняет весь мир. Ей необходимо пустить корни повсюду, извлекать выгоду везде, везде завязывать отношения».

На основе этой идеи Ленин написал книгу «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916), а затем обосновал стратегию советской системы в области международных отношений. Отсюда — политика временных уступок, чтобы дать передышку молодому советскому государству — это нэп во внутренней и внешней политике.

В будущем же нужно было выбить почву из-под ног этого всепоглощающего капитализма. Поэтому взаимоотношения с западным миром строились, исходя из принципа борьбы между двумя блоками. Более 40 послевоенных лет поведение советских руководителей, заносчиво не считавшихся с зарубежным миром, было незыблемым. Главным правилом считался подход «никогда не вступать в игру с противником», никогда ему не верить. Ориентиры были ясны, они сводились к простому соотношению сил, к «психологии туннеля», а именно:

— всякая односторонняя уступка невозможна, так как она была бы признанием собственной слабости;

— следует уметь «настойчиво торговаться» и всегда искать выгоду;

— если невозможно избежать уступки, то цена за нее должна быть наивысшей;

— в случае необходимости чуть-чуть приоткрыть створки, сделать это следует не бесплатно, даже если это нужно, чтобы умастить противника;

— следует использовать преимущества в тех переговорах, которые проходят в настоящий момент, не думая о будущем, когда позиции сил могут измениться;

— если противник со своей стороны идет на уступки, то следует положить эту выгоду в карман и считать дело выигранным;

— никогда нельзя чувствовать себя обязанным по отношению к классовому врагу;

² Там же, с. 2.

- никогда не признаваться в собственных ошибках;
- сохранять полнейшую тайну в том, что касается внешней политики;
- тщательно дозировать и процеживать информацию соответственно уровню и положению ее потребителя;
- беспрекословно соблюдать внутреннюю иерархию. Требовать, чтобы за граница умела найти нужный тон в зависимости от положения каждого представителя;
- успех, а следовательно, и безопасность страны зависят от соблюдения всех упомянутых правил.

Такая **идеология конфронтации** в своем крайнем выражении приводит к полной невозможности диалога. «Разрядка» — как палец на спуске курка, не дрогнувший, чтобы уничтожить южнокорейский «боинг», сбившийся с пути, в полной уверенности, что все совершается правильно. Самолет из лагеря противника пересек священный рубеж, воплощающий границу между двумя мирами,— значит, его нужно уничтожить. То же самое происходило тогда с гражданами ГДР, пытавшимися перебраться через берлинскую стену, или румынами, обманутыми первой, ненастоящей границей,— их можно было и следовало уничтожать без предупреждения. Выражение «нейтральная зона» должно быть понято в прямом значении.

В целом эта дипломатия силы признавала только власть и тех, кто ее воплощал. Парадоксально, что в эти рамки включался и противник. Его сила, ловкость, энергия требовали, к нему уважения, и наоборот, малейшая слабость с его стороны вызывала лишь презрение и открывала возможность заработать на этом капитал. Что касается собственной власти, ее понимание для сталинского и неосталинистского дипломата коренилось во взгляде на мир, который дает уверенность в правильности поставленной цели. Отсюда та поза достоинства, превосходства, которая чаще всего превращалась в окостенелость. В таких условиях советский представитель был связан данными ему директивами. Он не имел свободы действий, был лишен всякой инициативы. Он производил впечатление марионетки, чьи веревочки дергает Москва. Таковы были дипломаты в обычной ситуации, военные в вопросах безопасности страны, политические деятели самого высокого ранга, когда речь шла об общей стратегии.

Итак, перед нами картина дипломатии типа «нет», которую, по-видимому, Горбачев отвергает целиком и без церемоний, указывая на ее ошибки, тщеславие и созданный ею тупик. Ясно, что он хочет заменить систему торга, основанную на позиции силы во внешнеполитических вопросах, совсем иными отношениями. Такой крутой поворот в выборе методов безусловно сыграл роль в завоевании симпатий Запада, прежде всего в сфере общественного мнения. Эта дипломатия типа «да» заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее и по возможности разобраться в ее механизме. Продолжая уже употреблявшуюся здесь метафору, можно назвать ее «психологией Нового Завета».

ДИПЛОМАТИЯ ГОРБАЧЕВА

Что делает Горбачев во внешней политике сегодня? В каких условиях и почему? Прежде всего напомним, что 7 декабря 1988 г. в ООН советский руководитель не вносил предложений, как это обычно принято в таких случаях, а сообщил решение, вызвавшее эффект разорвавшейся бомбы. Речь идет об известной декларации о сокращении вооруженных сил в Европе, а главное — о сокращении одностороннем. Москва обязалась вывести из Восточной Европы 500 тыс. своих солдат, 10 тыс. танков, 8,5 тыс. артиллерийских установок и 0,8 тыс. военных самолетов, не говоря

уже о мерах, которые будут предприняты в восточной части СССР³. Таким образом, Горбачев решил не только словами, но и на деле воплотить ясно выраженное стремление к сокращению наступательных сил своей страны.

Почему возник такой беспрецедентный со времен Хрущева жест, каковы его последствия для Запада и для СССР? Идет ли речь о новой форме одурманивания, о пересмотренной и подправленной «психологической войне»? Не следует ли бояться, что наше общественное мнение склонится ко всеобщему пацифизму, который мог бы привести к необдуманному сокращению военного бюджета? Конечно, мы больше не поддерживаем лозунг Германии 70-х годов «Лучше быть красным, чем мертвым». Однако некоторые видят в нынешней ситуации еще большую опасность. В 1990 г. Горбачев стал «человеком года». При опросах общественного мнения его популярность едва ли не превзошла популярность американского президента. Можно ли объяснить эту неслыханную ситуацию наивностью опрашиваемых, их непостоянством, их незнанием международных отношений? Такое объяснение кажется мне несколько упрощенным.

Чтобы попытаться как можно точнее понять политику Горбачева и причины его «прямого попадания», следует пристальнее присмотреться к тому, что составляет необыкновенный механизм этой политики, увидеть то, что делает ее эффективной и действенной. Мне кажется, что речь 7 декабря в ООН представила как бы линию водораздела между обменом и «бескорыстным дарением». Этот маленький сдвиг, сдержанный намек, кажущийся столь незначительным, может быть, и послужил ключом к пониманию четко обозначившейся эволюции общественного мнения стран Западной Европы.

Для того чтобы разрушить негативное представление об СССР (а эта задача была тогда весьма трудной, если учесть чувствительность Европы к «советской угрозе»), Горбачев сделал шаг, невероятный для прежнего советского руководства и той сталинской дипломатии, о которой я упоминал. Не торгуясь, он предложил Западу политику добровольного сокращения вооружений и сам первым подал этому пример.

Принципу мелочного торговца «ты — мне, я — тебе» Горбачев предпочел бескорыстное дарение.

В человеческих отношениях поступки, имеющие материальную или духовную ценность, можно свести к трем категориям, а именно: **обмен**, **милостыня** или **бескорыстное дарение**. Разница в трех этих подходах состоит в том, что каждый из них создает особые отношения между тем, кто дает, и тем, кто принимает. Как уже говорилось, обмен предполагает взаимоотношения, основанные на равенстве партнеров. Милостыня, наоборот, образует пропасть между дающим и принимающим. Получающий милостыню, вследствие того, что он просит, оказывается в зависимом положении. Простить это трудно, так как нанесена обида.

При свободном дарении отношения совершенно иные, благодаря добровольности жеста и его смыслу. В щедрости — сила дарующего. Действие приобретает еще большую ценность, так как дающий ничего не ждет в ответ. Он желает, чтобы его дар был бескорыстным, потому что если дар выставить напоказ, то все сведется к простому обмену и торгу. Понятно, что даритель ничего взамен не требует. Конечно, этикет человеческих отношений подразумевает благодарность со стороны того, кто получает. Но эта благодарность становится еще более глубокой, когда она невынужденна, когда о ней даже не упоминают, когда она «сама собой разумеется». Если о ней напомнить, очарование разрушится. Если бы это неписанное правило не уважалось, то диалог был бы прерван или, по

³ «Le Figaro», 8 dec. 1988.

меньшей мере, сильно затруднен. Упомянуть об этих обязательствах ни в коем случае нельзя, иначе эффект пропадает и может обернуться оскорблением.

Сложность нашей манеры поведения и нашей морали заключается именно в том, чтобы соблюдать этот общепризнанный кодекс. То же самое происходит, когда все вышесказанное мы переносим из личного опыта в сферу коллективных, общественных и международных отношений. Только бескорыстный дар или обида принимают здесь совсем другие масштабы, потому что речь идет о серьезной игре. И танец мира, и танец войны имеют свои собственные последствия. Недаром А. Громыко всегда называли на Западе человеком «с печальным лицом», а Горбачев и улыбается, и сердится, и смеется. Он создает совершенно новую ситуацию: на смену каменной статуе (в образе политического комиссара или дипломата сталинской эпохи) приходит живой человек. Кажется, он заботится о чисто человеческом, думает о будущем и делает в этом будущем ставку «на то, что сближает, а не на то, что разъединяет».

Когда Горбачев приносит бескорыстный дар, то делает это, как принято в цивилизованном обществе, скромно, не расхваливая своего подарка. В своей речи в ООН он произнес только 256 слов по поводу вывода советских войск из Европы. Чтобы придать больший вес своим предложениям, он позволил себе роскошь выбрать два важнейших критерия: места и времени. Местом Горбачев избрал заседание ООН, символический храм мира между народами, время выбрал накануне того дня, когда страны НАТО должны были внести свои собственные предложения., Широта жеста, его красота должны были еще более поднять популярность советского лидера и его авторитет.

Несмотря на свою очевидную непосредственность, бескорыстный дар в действительности не так уж прост, и тот, кто его делает, сознает это в полной мере. Эмоциональность, радость как результаты дарения имеют парадоксальные последствия, а именно — порождают новые отношения между дарящим и одариваемым. Из этого следует, что в наиболее выгодном положении оказывается не тот, кого можно было бы предполагать. Даритель, первым предпринимая шаги, ставит своего нового компаньона в зависимое положение. Он его обязывает, принуждает. Тот, кто получает дар, становится отныне должником, но не может оставаться в долгу. Конечно, адресат волен отвергнуть дар, которым даритель его опутывает, как сетями. Он может не согласиться с правилами игры или уклониться от нее. В таком случае, если он не хочет вступить в игру, отношения между двумя партнерами возвращаются в исходную точку или ухудшаются еще более, так как отказ от дара — невиданное оскорбление.

Не такова ли была ситуация, в которой находились тогда страны НАТО по отношению к предложениям Горбачева? Ведь некоторые видели в них коварный жест, губительный дар? Отсюда — долгие разногласия, нерешительность, подозрительность западных властей, в то время как общественное мнение все больше воодушевлялось и приходило в восторг от подарка, еще более прекрасного своей неожиданностью. Эта ситуация, как в зеркале, повторялась в лагере самого Горбачева, где высшее руководство армии и многие советские люди относились к нему, мягко говоря, с подозрительностью.

ВНУТРЕННИЕ КОЛЕБАНИЯ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Во время прихода к власти Горбачева армия и КГБ поддерживали его, понимая полезность более решительной десталинизации советской системы. Эта польза была чисто «функциональной», речь шла о том, чтобы

деблокировать систему, придать ей новый динамизм, укрепить всем известный социализм, корни которого лежали якобы в традициях страны.

Сегодня верхушка армии, кажется, не одобряет некоторые основные направления горбачевской линии, в особенности ту политику односторонних уступок Западу, которую она считает дестабилизирующей и опасной. Безусловно, высшее военное руководство видит только одну сторону дарения и цену, которую за него надо платить, не понимая выгоды в будущем — политической и даже военной, если Запад под давлением общественного мнения вынужден будет склониться к разоружению. Кажется, что все это их не касается и не убеждает. Отставка главнокомандующего маршала Ахромеева, а затем и Главнокомандующего Вооруженными Силами стран Варшавского договора маршала Куликова — подтверждение этому. В то же время поражает режущий слух диссонанс между докладами «нового стиля» Михаила Горбачева и речами советского министра обороны маршала Язова, тон которых делается все более жестким. Представляется, что несогласие между Горбачевым и военным аппаратом, действительно, углубляется с каждым днем. Судя по некоторым косвенным признакам, ясно, что положение высшего военного руководства пошатнулось. Достаточно вспомнить публикацию статьи Язова в «Правде» 9 февраля 1991 г.— ее текст помещен только на 4-й странице. В первый раз с министром обороны обращаются, как с простым генералом, и он имеет право только на «табуретку» в политбюро. Ослабление его влияния приводит к тому, что военная иерархия, кажется, не в силах более тормозить по собственной воле реформы, ритм, размах и цели которых она не одобряет.

Во внутренней политике руководители страны боятся худшего в мерах, принимаемых по отношению к национальным движениям, и в том, что ставится под сомнение существующая модель общества. По их мнению, невозможно отступление от священных правил системы, отказ от них, что заметно по публичному признанию «ошибок». Им непонятно, как можно допустить «социалистический плюрализм» и отказаться от использования военного давления. В этом отношении консервативное крыло режима полностью поддерживается советскими «правыми», которые легко сближаются с ультраправыми в России, как, впрочем, и во всем мире.

Сегодня ультраправые в СССР не боятся выступать открыто. Они подчеркнута выдвигают лозунги борьбы «против безродного космополитизма», «за исконные национальные корни» и открыто провозглашают: «Здесь пытаются ввести в заблуждение общественное сознание, пороча Сталина...»⁴. Горбачев же, напротив, разоблачает Сталина, чтобы пробудить народное сознание. Его как будто подхлестывает критика со стороны его гражданской и военной стражи, и он не прочь добавить «подарков». Он увеличил каскад «бескорыстных дарений», в которых антропологи видят «дополнительный залог» будущих даров, позволяющих, наконец, завоевать противника. Стремясь обезоружить западных скептиков, он вывел советские войска из Афганистана даже ранее намеченного срока. От своих кубинских союзников он требовал покинуть Анголу, от своих вьетнамских друзей — вывести войска из Камбоджи. Через министра иностранных дел Горбачев также требовал опубликовать советский оборонный бюджет, чего, впрочем, он долго не мог добиться, и цифры которого, конечно, не очень убедительны. Сюда же можно отнести объединение Германии и вопрос о присоединении к НАТО Центральной Европы.

⁴ «Московские новости», 5 февраля 1989.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Очевидно, что логика советских военных не адекватна логике Горбачева ни в пределах СССР, ни за его пределами. Ясно также, что логика Горбачева не может быть логикой Запада и что Запад должен перестать слышать только то, что хочет услышать. Советский лидер говорит и повторяет, что он хочет для СССР: «преимуществ социализма, ничего, кроме социализма».

Конечно, образ этого социализма по-горбачевски, его функционирование чрезвычайно отличны от того, к чему мы привыкли раньше. Понятно, что внутренняя демократизация в СССР не может не отразиться на его поведении на международной арене. В то же время решения, принятые по проблеме вывода войск из Европы, и целая серия «дополнительных залогов» представляются совершенно поразительными. Однако по-прежнему остается в силе одна из важных составных частей традиционной идеологии. Вот два примера тому.

Горбачев, значительно изменив статьи советской Конституции в области политики и экономики, не коснулся статьи 28-й главы I этой Конституции, в которой ясно сформулировано: «Внешняя политика СССР направлена... на укрепление позиций мирового социализма, на поддержку народов в их борьбе за национальную независимость и социальный прогресс». Может быть, он «забыл» ее исправить? Одна из его речей заставляет вновь вспомнить об этом вопросе.

Еще 6 января 1989 г. в Кремле на встрече с представителями научной и технической интеллигенции Горбачев ясно определил границы нынешней эволюции: советская идеология изменится в новых условиях, но не откажется от некоторых основных принципов.

Кажется, что Горбачев порой чувствует себя под прицелом тех, кто обвиняет его в разбазаривании завоеваний советского и международного социализма. Такая позиция, если ее занимает генеральный секретарь самой крупной ком-партии в мире, оказывается очень уязвимой. Большой почитатель Ленина, Горбачев, вероятно, имел время поразмыслить над одной из последних статей своего учителя — «Шаг вперед, два шага назад».

Горбачев быстро приобрел популярность на Западе, когда дал понять, что может принести Западу большие и бескорыстные дары, не спрашивая в обмен ничего. Но сейчас, по разным причинам, он уже не может действовать таким образом. Военные, на мой взгляд, не поняли того, что, именно ничего не спрашивая и не требуя, Горбачев может заработать огромные дивиденды. Именно такой политике он обязан завоеванным авторитетом и полным доверием Запада.

Сейчас мы в этом отношении вернулись на пять лет назад — к политике «обмена». Это, в частности, продемонстрировала поездка Горбачева в Японию и его отношение к возврату Курильских островов. На мой взгляд, он тем самым потерял часть своего авторитета, имидж бескорыстного дарителя. И Советский Союз, по-моему, тоже очень много потерял.

Но как бы то ни было, Горбачев, стараясь не делать ставки на архаизм мышления, начал процесс, чрезвычайно важный для отношений между Востоком и Западом, для всей планеты. Подчеркнуто отказываясь от применения военной силы, он сначала продемонстрировал попытку уменьшить значение военной мощи в неизбежном противостоянии маленьких и великих государств на международной арене. И он идет этим путем, несмотря на недовольство своего военного аппарата, а также части общественного мнения в СССР.